

МЕТАФОРА КАК ПОПЫТКА «ДОСМОТРЕТЬСЯ» ДО СУТИ ВЕЩЕЙ

Жгун Дарья Александровна

Католический университет Дэгу, Дэгу, Южная Корея

Аннотация. Статья представляет собой глубокое осмысление метафоры с учетом междисциплинарного характера современных лингвистических исследований, в частности, интеграции в них знаний из философии и психологии. Необходимость целостного подхода к изучению данного феномена обусловлена наблюдаемым в последние десятилетия смещением фокуса внимания к тропу в сторону логики и детерминистскому пониманию сущности сознания в целом, часто приводящих к противоречиям в теориях метафоры и многочисленным спорам о ее природе. На этом основании автором статьи предлагается изучать метафору как с опорой на когнитивные теории, так и в рамках холистической парадигмы, в которой мир интерпретируется как система, и индивид способен воспринимать предметы и явления в их взаимосвязи и единстве, тем самым вскрывая более глубокие смысловые пласты. В ходе анализа теории и примеров из художественной литературы автор приходит к выводу о том, что метафора является нечто большим, чем работой разума, а именно, попыткой увидеть суть вещей «сквозь ум».

Ключевые слова: метафора, сравнение, подобие, когнитивная теория, целостность, вчувствование, суть.

*Плитняк раскалялся, и улицы лоб
Был смугл, и на небо глядел исподлобья
Бульжник, и ветер, как лодочник, греб
По лицам. И все это были подобья.*

Б. Пастернак

Введение

Будучи одним из самых распространенных и ярких стилистических приемов и средств художественной выразительности, метафора не перестает привлекать внимание ученых разных областей научного знания на протяжении многих десятилетий. Попытка исследователей ответить на вопрос о том, является ли метафора следствием случайной комбинаторики для достижения экспрессивности и эстетического эффекта или намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов, привела к большому количеству дискуссий и теорий [1, с. 38]. В настоящее время к основным теориям метафоры можно отнести следующие: 1) традиционная теория, в основе которой лежит представление метафоры как скрытого сравнения или изобразительного переосмысления наименования, понять которое возможно без особых экстралингвистических знаний, 2) интеракционистская теория, в которой основой метафоры видится взаимодействие ассоциаций о разных вещах внутри одного слова или выражения, ведущих к порождению нового смысла, 3) прагматическая теория, рассматривающая метафору с точки зрения намерений говорящего, и 4) когнитивная теория, согласно которой метафора является важнейшим когнитивным механизмом, указывающим на метафоричность процесса мышления в целом. Последняя теория возникла в результате смены научной парадигмы с системно-структурной на антропоцентрическую, в центре внимания которой оказался человек с его попытками освоить и познать окружающую среду, а также углубиться и понять процессы, происходящие в его внутреннем мире. В этом плане метафора предстала как процесс, создающий новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления, а также как способ создания языковой картины мира, которая возникает вследствие «когнитивного манипулирования» значениями, имеющимися в языке [20, с. 3].

Когнитивная природа метафоры: роль мышления, памяти и воображения

Являясь одним из основополагающих когнитивных процессов, метафора способствует получению нового знания и меняет культуру, в которой живет человек, тем самым влияя на его взаимодействие с окружающей средой и приводя к биологической эволюции, которая впоследствии снова воздействует на культуру [27, с. 128]. Т.е. метафора одновременно представляет собой неизменную биологическую данность и служит связующим звеном между биологической и культурной эволюцией, на что многократно указывали многие исследователи. Так, о метафорическом мышлении говорили К. Турбейн (1966), Л. Коэн и А. Маргалит (1970), Э. Ортони (1979), Дж. Лакофф и М. Джонсон (1980), Дж. Эйтчисон (2003), а на врожденную способность к оживлению предметов окружающей среды (“natural testing for aliveness”) указывал Э. Шрёдингер [30, с. 57], Г.С. Померанц («Вообще метафоризм заложен очень глубоко во всех наших представлениях. Мы его просто недостаточно осознаем» [17, с. 35]) и В.Г. Гак («Метафора присуща мыслительному процессу и языку как таковая и возникает в силу глубинных особенностей человеческого мышления» [7, с. 481]).

Независимо от того, какого подхода придерживаются ученые, большинство из них сходятся во мнении о том, что в основе метафоры лежит мыслительная операция сравнения или перенос признаков с предмета (понятия) на предмет (понятие) по аналогии. Поэтому традиционным принято считать определение метафоры как тропа или механизма речи, состоящего в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении [11, с. 296]. На таком понимании метафоры базируется распространенная классификация метафор на антропоморфную, основанную на сравнении предмета или животного с человеком, зооморфную, когда вспомогательным субъектом выступает животное, машинную, в основе которой лежит сравнение с каким-либо механизмом, флористическую, основанную на сравнении с растением, и пространственную, предполагающую сравнение с частью пространства [13].

Однако стоит отметить, что сходство служит необходимым, но недостаточным и не всегда обязательным условием для существования метафоры. Так, для метафоры аналогия может быть частной, поверхностной и неглубокой, что делает ее результатом поиска аналогов «без ограничений на меру подобия» [16, с. 98]. Иногда сходство может быть не просто неочевидным, но и фиктивным, когда происходит «не простое уподобление (типа сравнения), а своего рода “перетасовка” признаков в процессе интеракции основной сущности и двух вспомогательных – признаков, актуализирующихся в “буквальном значении”, и признаков, ассоциируемых с представлением о референте этого значения, рассматриваемом, однако, с точки зрения замысла метафоры и ее цели» [20, с. 46]. Примером метафор, в которых перенос признаков осуществляется лишь на частичном сходстве или не основывается на аналогии вообще, служат так называемые «укоренившиеся» (*entrenched*) метафоры, которые образуются не в результате аналогии, а в процессе концептуальной интеграции, когда два исходных ментальных пространства проецируются на новое ментальное пространство, или бленд. К ним относятся, например, *a sunny smile*, *a big day* и *heavy duties*, предполагающие конвенциональные метафоры *happiness is brightness*, *importance is size*, и *difficulty is heaviness* соответственно [25, с. 27]. В этом плане метафору характеризует такое явление как синэргия, или способность метафоры создавать психологическое «напряжение» между буквальным значением и значением, переосмысленным за счет высокой контрастности [20, с. 35]. В таких метафорах когнитивная обработка проходит на очень сложном подобии, которое исходит из почти «немыслимых абсолютно нестандартных соответствий» [*там же*]. В качестве иллюстрации довольно необычного видения мира и, как следствие, подбора оригинальных соответствий приведем примеры из художественной литературы.

(1) *Whistling loudly and rising (uphill) on the pedals of his three-wheeled bicycle, a baker's roundsman went by; a water-sprayer crawled slowly by with a wet hissing sound – a whale on wheels – generously irrigating the asphalt* [28, с. 312]. – Звонко посвистывая и поднимаясь (в гору) на

педалях своего трехколесного велосипеда, проехал рассыльный пекарни; медленно, с влажным шорохом, прополз водометный автомобиль – кит на колесах, – широко орошая асфальт (пер. В.В. Набокова).

В данном примере водометная машина передается с помощью уникальной авторской метафоры *a whale on wheels*. В данном случае критерием отнесения двух объектов к одной группе служит их способность «выпускать» или распылять воду. Однако то, что делает пример еще более интересным, это одновременное уподобление автомобиля змее, имплицитированное в метафорах *crawled* и *hissing*, выражающих его низкую скорость движения и звук подачи воды.

(2) *He tried to keep his mind on Nita, but his mind disobeyed. It was like a bluebottle, noisy and promiscuous. It landed on Tanya, of course. But then off it buzzed to that girl, that Rozaliya. Did he blush to remember her, or was he secretly proud of that perverse incident?* [23, с. 4]. – Он постарался сосредоточить все мысли на Ните, но они, шумные и назойливые, как мясные мухи, не поддавались. Пикировали, само собой разумеется, на Таню. Потом, жужжа, уносились к той девице, Розалии. Краснел ли он, вспоминая о ней, или же втайне гордился своей шальной выходкой? (пер. Е. Петровой).

В отрывке непослушные мысли героя ассоциируются с назойливой трупной мухой. Довольно необычное сравнение строится на видении автором сходства между умом и насекомым, основанном на признаке неугомонности и быстрому переключению (перемещению) с одного предмета на другой, что передается метафорами *disobeyed* и *buzzed off*.

На способность к обнаружению сходств и различий между сопоставляемыми предметами и явлениями в том числе влияет и работа долгосрочной памяти, которая разделяется на эпизодическую (личные воспоминания каждого отдельного индивида) и семантическую (общая информация, включающая семантику слов, которые одинаково запомнились всеми индивидами). В результате «слияния» двух типов памяти в процессе поиска человеком в своем лексиконе слова для наиболее подходящего выражения своего опыта и образуется метафора [27, с. 130]. Учет роли эпизодической и семантической памяти в порождении метафоры объясняет как наличие в языке стертых (мертвых) метафор, основанных на общих ассоциациях и воспоминаниях, так и постоянное появление новых, авторских метафор, базирующихся на личных ассоциациях и воспоминаниях. Так, в отношении стертых метафор существует мнение, что все их разнообразие может быть сведено к нескольким «традиционным» паттернам: *eyes and stars, women and flowers, life and dream, и time and river* [24, с. 36]. Данный список, однако, можно расширить такими паттернами, как *battle and fire, life and journey, woman and night, argument and war, time and money*, образовавшимися в ходе развития цивилизации и культуры, хранящимися в накопленной поколениями памяти и закрепившимися исторически в языке. Однако даже стертые метафоры можно обновлять, подвергая традиционные паттерны бесконечному числу вариаций, зависящих от авторского воображения, роль которого как раз-таки и заключается в «приостановке обыденной референции и в планировании новых возможностей переписывания мира» [19, с. 428]. Например, некоторым авторам удается «освежить» уже стертую метафору *time is eternity* (время – вечность) и добиться «магической точности» путем ее преобразования, когда вечность удлиняется на один день (“*I will love you forever and a day*”), а возраст города описывается как вполонину древний как мир (“*A rose-red city, half as old as Time*”) [24, с. 36]. Иными словами, воображение раскрывает перед автором безграничные возможности для творчества и создания уникальных метафор.

Метафора как способность субъекта замечать глубинную суть вещей

Исследование когнитивных оснований порождения метафор указывает на то, что процесс метафоризации является формой индивидуального творческого мышления и особого видения мира субъектом, для которого искусство слова состоит не в том, чтобы найти в лексиконе нужный инструмент, как подбирают ключ к замку, а в том, чтобы суметь «допустить слово до звучания во всем его размахе» [4, с. 48]. К такому способна довольно развитая, не кристаллизованная личность, видящая язык прежде всего как «неисчерпаемую

сокровищницу» и умеющая «отпустить слово», открыть неведомое и по-новому «ощутить непрочувствованное» [4, с. 37]. Важно отметить, что необычное соединение слов в процессе метафоризации также указывает на способность личности, с одной стороны, замечать отдельные детали (а «в высоком искусстве и чистой науке деталь – это все», и именно за деталями, превосходящими обобщение, стоит глубокий смысл, который важно прятать за умением владеть писательской техникой [15, с. 168]), а с другой стороны – видеть мир целым, а не раздробленным на части, при этом улавливая тонкие связи между предметами («Я победоносно смешиваю метафоры, потому что именно к этому они и стремятся, когда отдаются ходу тайных взаимосвязей – что, с писательской точки зрения, есть первый положительный результат победы над здравым смыслом. Другими словами, творческий процесс, по сути дела, состоит из двух: полное смещение или разъединение вещей и соединение их в терминах новой гармонии» [14, с. 467]).

Способность одновременно воспринимать целое и его части можно объяснить с точки зрения наличия у человека двух взаимодополняющих моделей познания – «как будто» («понарошку») и «в самом деле» («взаправду») [18, с. 11]. Человеческое сознание создает и разрабатывает обе модели со своих первых шагов: первая модель создается из слов или знаков, каждый из которых вызывает бесконечный поток ассоциаций; это слова-образы, или метафоры, а вторая – из однозначных слов, из знаков строго определенного смысла; это слова-термины. В первом случае, мир воспринимается как «текущее переливчатое целое, охваченное единым ритмом», а во втором случае – как «совокупность атомарных фактов, жестоко расчлененных и затем связанных более или менее точно фиксированными отношениями» [18, с. 11]. «Синкретизм восприятия внешних воздействий» может быть также объяснен интуитивным стремлением разума воспринимать мир не дискретно, а в его единстве и связности его элементов с учетом бесчисленных аналогий и тождеств [6]. В этом смысле метафору можно трактовать как «выражение целостного способа восприятия предмета или явления и отношения к нему» [8, с. 11].

Необходимость целостного восприятия мира и важность замечать не только физические характеристики вещей, но и их подлинную природу и единичность, подробно описана в трудах М. Бубера (несмотря на свой большой объем, цитата очень точно передает выраженную выше мысль):

«Я рассматриваю дерево. Я могу воспринимать его как зрительный образ: колонна, вздымающаяся в шквале света, или зеленый взрыв, пронизанный кроткой серебристой голубизной. Я могу ощущать его как движение: соки, бегущие по сосудам, льнущая и жаждущая сердцевина, сосущие корни, дыханье листьев, непрерывный обмен с землей и воздухом – и сам неуловимый рост дерева. Я могу рассматривать его как экземпляр некоторого вида, в соответствии с его строением и образом жизни. Я могу до такой степени отвлечься от его формы и от его состояния в настоящий момент, что буду осознавать его лишь как выражение закономерностей – закона, по которому непрерывно уравнивается постоянное противоборство сил, и закона, по которому смешиваются и разъединяются вещества. Я могу свести его к числу, к чисто числовой зависимости, тем самым и уничтожив, и увековечив его. Во всем этом дерево остается лишь моим объектом, имеет свое место и свое время, свою природу и свое строение. Но может случиться – для этого нужны и воля, и благодать, – что, рассматривая дерево, я буду вовлечен в отношение к нему. Тогда это дерево – уже больше не Оно. Власть исключительности захватила меня. При этом мне нет нужды отказываться ни от какого из способов, которыми я рассматривал дерево. Чтобы видеть, мне не требуется закрывать глаза на что-либо. Нет никакого знания, которое мне следовало бы забыть. Напротив того, все: образ и движение, вид и экземпляр, закон и число – все нераздельно объединяется здесь. Здесь все, что присуще дереву, его форма и его механика, его краски и его химия, его беседа с элементами и его беседа со светилами – и все это в единстве целого» [5, с. 3].

Подобный духовно-практический опыт причастности является следствием способности человека не только холистически воспринимать мир, но и «вживаться»,

«вчувствоваться» в жизнь и смотреть на нее с позиции «внезаходимого другого», которая заключается в том, чтобы уметь «сливаться» с другим и видеть мир с его позиции, но одновременно удерживать и свое видение, или быть одновременно единым с предметом своего творчества и в то же время иметь «могучую точку опоры» вне его [2, с. 30]. Такое видение близко к дзен-буддийской идее о том, что наблюдающий есть наблюдаемое, которая также хороша передается строками стихотворения И. Бродского: «*Нищий квартал в окне / глаз мозолит, чтоб, в свой черед, / в лицо запомнить жильца, а не / как тот считает, наоборот*».

Так, умение «досмотреть» дерево до его корней, заметить сокрытые связи между предметами и явлениями, увидеть глубинные тайны жизни, причаститься к ним и затем проявить их в языковом творчестве дает возможность более глубоко подойти к исследованию и феномена метафоры. В этом смысле метафору можно считать попыткой расшифровать «тайное, символическое значение явлений природы через создание своего особого кода», через который возможен выход за границы реальной действительности к инобытию; метафора – это «отлет за пределы бытия, дающий возможность взглянуть на него иначе, это как бы взгляд на Землю из Космоса» [21, с. 96–97]. Как иной взгляд на вещи или непривычный для восприятия ракурс, метафора демонстрирует новые возможности образного и ассоциативного мышления, выявляет соответствия и противоречия между предметами, тем самым подталкивая к поискам истины. Для подтверждения приведем примеры.

(3) *And now they all began gradually to **grow less distinct**, to **ripple** with the random **agitation of a fog**, and then to vanish altogether; their outlines, weaving in figure-eight patterns, were **evaporating**, though here and there a bright point still glowed – the cordial glint in an eye, the gleam of a bracelet; there was also a momentary reappearance of the intently furrowed forehead of Vasiliev, who was shaking somebody's already **dissolving** hand, and at the very last there was a **floating** glimpse of pistachio-coloured straw, decorated with silk roses (Lyubov Markovna's hat), and now everything was gone, and into the smoky parlour, without a sound, in his bedroom slippers, came Yasha... [28, с. 56]. – И тут все они стали понемногу бледнеть, зыблиться произвольным волнением тумана – и совсем исчезать; очертания, извиваясь восьмерками, пропадали в воздухе, но еще поблескивали там и сям освещенные точки, – приветливая искра в глазу, блик на браслете; на мгновение еще вернулся напряженно сморщенный лоб Васильева, пожимающего чью-то уже тающую руку, а совсем уже напоследок проплыла фисташковая солома в шелковых розочках (шляпа Любови Марковны), и вот исчезло все, и в полную дыма гостиную, без всякого шума, в ночных туфлях вошел Яша... (пер. В.В. Набокова).*

В отрывке представлена далеко не тривиальная авторская метафора, основанная на индивидуальной ассоциации расхождения гостей с рассеивающимся туманом. Постепенный уход гостей из дома передается с помощью слов *evaporating*, *to grow less distinct* и *dissolving*. Кроме того, посредством развернутой метафоры автор искусно передает и физические характеристики данного атмосферного явления (а именно, его насыщенность водяными парами) с помощью слов *to ripple* и *floating*.

(4) *Before I went in to wish my aunt good day I would be kept waiting a little time in the outer room, where the sun, a wintry sun still, **had crept in to warm itself** before the fire, lighted already between its two brick sides and plastering all the room and everything in it with a smell of soot, making the room like one of those great open hearths which one finds in the country, or one of the canopied mantelpieces in old castles under which one sits hoping that in the world outside it is raining or snowing, hoping almost for a catastrophic deluge to add the romance of shelter and security to the comfort of a snug retreat; I would turn to and fro between the prayer-desk and the stamped velvet armchairs, each one always draped in its crocheted antimacassar, while the fire, **baking like a pie** the appetising smells with which the air of the room, was thickly clotted, which the dewy and sunny freshness of the morning had already '**raised**' and **started to 'set,**' **puffed** them and **glazed** them and fluted them and swelled them into an invisible though not impalpable **country cake**, an immense **puff-pastry**, in which, barely waiting to savour the crustier, more delicate, more respectable, but also drier smells of the cupboard, the chest-of-drawers, and the patterned wall-paper I always returned with an unconfessed gluttony to bury myself in the nondescript, resinous, dull, indigestible, and fruity smell*

of the flowered quilt [29, с. 47]. – Я шел к тете поздороваться, и меня просили чуточку подождать в первой комнате, куда солнце, еще зимнее, забиралось погреться у огня, уже разведенного между двумя кирпичиками, пропитывавшего всю комнату запахом сажки и вызывавшего в воображении большую деревянную печь или камин в замке, около которых возникает желание, чтобы за окном шел дождь, снег, чтобы разбушевались все стихии, оттого что поэзия зимнего времени придает еще больше уюта сидению дома; я прохаживался между скамеечкой и обитыми рытым бархатом креслами с вязаными накидками на спинках, а между тем огонь выпекал, словно тесто, аппетитные запахи, от которых воздух в комнате сгущался и которые уже бродили и «поднимались» под действием влажной и пронизанной солнечным светом утренней свежести, – огонь их слоил, подрумянивал, подбивал, вздувал, делал невидимый, но осязаемый провинциальный, огромных размеров, слоеный пирог, и я, едва успев отведать более пряных, более тонких, более привычных, но и более сухих ароматов буфета, комода, пестрых обоев, всякий раз с неизъяснимой жадностью втягивал сложный, липкий, приторный, непонятный, фруктовый запах вышитого цветами покрывала (пер. Н.М. Любимова).

В данном примере также представлен уникальный авторский взгляд на уютную домашнюю атмосферу, пропитанную теплым солнечным светом и приятными запахами, вызванными разведенным огнем. Атмосфера запахов ассоциируется у автора с той, которая бывает при готовке слоеного пирога. Отсюда изобилие «кулинарных» метафор (*baking, raised, started to set, puffed, glazed, country cake, puff pastry*), подчеркивающих все тонкости и особенности пребывания в таком доме.

Необходимость комплексного подхода к изучению метафоры

Таким образом, метафору можно рассматривать как рационально, т.е. с точки зрения когнитивных теорий, так и иррационально, т.е. с позиции интуиции и духовности. В первом случае метафора показывает развитые когнитивные способности ее создателя, глубокие потенции слов и скрытые возможности, имеющиеся в их понятиях. Во втором случае метафора, подобно прозрению, позволяет преодолеть поверхностный слой смыслов и бессознательно ощутить скрытую суть явлений и тайную связь между ними. Стоит подчеркнуть необходимость такого когерентного подхода к исследованию феномена метафоры в настоящее время, когда очевидна одержимость современной научной мысли панлогизмом, или стремлением объяснить все рационально-логическим путем без учета духовно-практического опыта, в результате чего возникает псевдо понимание и большое количество классификаций и противоречащих теорий, которые так и не раскрывают всей сути явлений. Исключительное полагание на когнитивные теории при изучении метафоры, в частности, влечет за собой ее чрезмерное упорядочивание и излишнюю категоризацию. В этой связи до сих пор не потеряло актуальности утверждение Ю.Н. Караулова о перепроизводстве идей в языкознании и избыточности фактических описаний, в которых только «намечаются новые подходы, иллюстрируются некоторые возможности выдвигаемой идеи, указывается направление, в котором надо идти, чтобы получить определенный результат. Авторы учат, как надо делать, но не делают сами, поэтому результата как такового не бывает, новая вещь в итоге такого исследования не получается, создается лишь, как замечает остроумно один известный лингвист, “информационный шум”» [10, с. 29].

Действительно, концентрация внимания лишь на рассудочных началах часто приводит к неправильным привнесениям и слишком субъективным истолкованиям. Поэтому необходимо также развивать способность к созерцанию и сопереживанию, что особенно важно для понимания метафоры, препятствием на пути которого является то, что сложные художественные образы, реализованные с ее помощью, часто представлены автором как многослойное пространство, в котором скрывается истина, и к которой можно подобраться «на ощупь, постепенно разворачивая слои» [9, с. 81]. Идея понять метафору «на ощупь», а через нее приблизиться к истине, еще раз подчеркивает ее потаенную, необъяснимую суть, которая часто может раскрыться только тогда, когда о ней «напоминает Бог»: «Но вот уже слышались слова / И легких рифм сигнальные звоночки, — / Тогда я начинаю понимать, / И

просто продиктованные строчки / Ложатся в белоснежную тетрадь» Ахматова. Именно такая высокая чувствительность к окружающей среде и способность к «вчувствованию», которая зависит от умения индивида наблюдать и постигать мир в единстве его предметов и явлений и непосредственно чувствовать невидимые связи между ними, поможет избежать создаваемой разумом иллюзии полного понимания смысла, вложенного в метафору ее автором, которое, как правило, невозможно гарантировать в силу того, что «никто при тех же самых словах не думает того, что думает другой, и всякое понимание есть вместе с тем непонимание» [3].

Тем не менее, не стоит отказываться от попыток понять друг друга с помощью сознания или прекратить прибегать к такого рода выразительным средствам языка, который «никогда ни в чем не связывает нам руки», а напротив, открывает пространство множественности интерпретаций [4, с. 68]. Так, метафора *Her eyes are coins* (Ее глаза – монеты) может характеризовать глаза девушки как по признаку округлости, так и по признаку их блеска, а метафора *Mavis is a panda* (Мэвис – панда) может указывать на форму и размер глаз девушки, ее предпочтение черно-белой гамме в одежде, милую внешность, или же на все три признака сразу [22, с. 165]. Другим примером служит строка из знаменитой поэмы Томаса Элиота “*The Waste Land*” («Бесплодная земля») – “*I will show you fear in a handful of dust*” («Я дам увидеть страх сквозь прах в ладонях»). Так, опираясь на идею о бисоциации (соединении произвольных или противоположных, кажущихся несовместимыми мыслительных пространств, которое ведет к новым идеям [26]), Э. Маккормак [27, с. 131] считает, что в памяти поэта происходит активация индивидуальных ассоциаций современного общества с засухой (отсюда зарождается метафора его морального разложения и падения духовности, ведущие к пугающим последствиям). В других интерпретациях метафоры наблюдается аллюзия к истории о Кумской сивилле, которая, взяв горсть песка, попросила Аполлона жить столько, сколько было в этой горсти песчинок. Но забыв упомянуть о желании вечной молодости, жрица жила в муках около тысячи лет, старея и разрушаясь. Приведенные примеры говорят о том, что для прояснения ситуации необходим как широкий кругозор читателя, так и общий контекст, который позволяет понять смысл слова без обращения к его определению, даже в том случае, когда оно используется в его «тонких» смыслах. Кроме того, контекст влияет на развитие метафорического значения и предлагает, какие новые сопоставления сходств и различий среди смысловых признаков признать более подходящими для определенной метафоры, а также прагматическую интерпретацию какого возможного смысла принять.

Заключение

Суммируя вышесказанное, отметим, что метафору можно анализировать с опорой на когнитивный подход, акцентирующий внимание в первую очередь на психических процессах человека, включающих память, логическое мышление, воображение, восприятие и речь. В рамках когнитивной лингвистики метафора характеризуется как одна из основных ментальных операций или как способ познания, структурирования и объяснения окружающего мира. В этом смысле она является переживанием сущности одного предмета в терминах сущности другого, что, однако, полностью не раскрывает всей ее сути. Способность метафоры вызывать яркие образы и точное и емкое чувство того, что они описывают, указывает на то, что она есть нечто большее, чем осмысленное вербальное выражение, и что ее необходимо также рассматривать как попытку объяснить сердцем и пролить свет на истину. Это, в свою очередь, становится возможным благодаря развитию способности индивида созерцать и холистически воспринимать мир. При таком целостном подходе к изучению метафоры возможно более глубокое понимание как самого феномена, так и сути вещей, передаваемых ею в языке.

Список источников

1. Барышников П. Н. Миф и метафора: Лингвофилософский подход. СПб.: Алетейя, 2010. 216 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.

3. Биbihин В. В. Понять другого. URL: http://www.bibikhin.ru/ponyat_drugogo (дата обращения: 16.08.2023).
4. Биbihин В. В. Язык философии. 3-е изд., стер. СПб.: Наука. 2007. 389 с.
5. Бубер М. Я и ты. М.: Высшая школа, 1993. 176 с.
6. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
8. Гогоненкова Е.А. Метафора в науке: философско-методологический анализ: автореф. Дис. ...канд. философ. наук. М., 2005. 24 с.
9. Гусейнова Э. Р. Пруст – Толстой – Чехов – Набоков: искусство метафоры как способ поиска реальности (на материале лекций по зарубежной литературе В. В. Набокова) // Известия Саратовского университета. Сер. Филология, журналистика, 2011. № 4. С. 80–85.
10. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
12. Можейкина Л. Б. Природа эмоциональной метафоры // Человек в эпоху перемен. Вызовы настоящего, построение будущего: материалы IV Съезда психотерапевтов, психиатров и консультантов Сибирского Федерального Округа (г. Новосибирск, 3-8 апреля 2015 г.). Новосибирск: Издательство НГТУ, 2015. С.139–146.
13. Москвин В. П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. Волгоград: Перемена, 1997. 92 с.
14. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. Пер. с англ. под редакцией Харитоновой В.А. М. : Издательство Независимая Газета, 1998. 512 с.
15. Набоков В. В. Строгие суждения. Пер. с англ. В. Минушин, Д. Федосов, А. Николаевская. М. : КоЛибри, 2018. 416 с.
16. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М. : Высшая школа, 1983. С. 94–98.
17. Померанц Г. С. Собираение себя. Курс лекций, прочитанных в Университете Истории Культур в 1990–1991 гг. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 143 с.
18. Померанц Г. С. Страстная односторонность и бесстрашие духа. 2-е изд., испр. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 618 с.
19. Романенко О. В. Специфика перевода метафоризации и сравнений как лингвистических единиц. // Научный вестник. 2002. № 1. Электронный научный журнал. URL: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Romanenko.htm> (дата обращения: 23.10.2023).
20. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 176 с.
21. Франц С. В. Роль метафоры в познании. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26517/1/episteme_1998_20.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
22. Aitchison J. Words in the mind. An introduction to the mental lexicon. 2nd ed. Oxford & Cambridge. MA: Blackwell, 1994. 290 p.
23. Barnes J. The noise of time. New York: Alfred A. Knopf, 2016. 232 p.
24. Borges J. This craft of verse. Harvard University Press, 2000. 160 p.
25. Grady J. Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes. University of California, Berkeley: Ph.D. Dissertation, 1997. 306 p.
26. Koestler A. The act of creation. New York: Macmillan, 1964. 752 p.
27. Mac Cormac E. R. A cognitive theory of metaphor. A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, 1985. 254 p.
28. Nabokov V. The gift. Translated from the Russian by Michael Scammell with the collaboration of the author. London: Weidenfeld and Nicolson, 1923. 352 p.
29. Proust M. In search of lost time. Swann’s way. Translation: C.K. Scott Moncrieff. Centaur Editions, 2016. 396 p.
30. Schrödinger E. My view of the world. Translated from German by Cecily Hastings. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 81 p.

METAPHOR AS AN ATTEMPT TO “LOOK INTO” THE ESSENCE OF THINGS

Zhgun Daria Aleksandrovna

Catholic University of Daegu, Daegu, South Korea

Abstract: The paper represents deep comprehension of metaphor taking into account the interdisciplinary nature of modern linguistic research, particularly the integration of knowledge from philosophy and psychology into it. The need for an integral approach to the study of the phenomenon of metaphor is determined by the shift of the focus of attention observed in recent decades to the trope towards logic and a deterministic understanding of the essence of consciousness overall, oftentimes

leading to contradictions in theories of metaphor and numerous disputes about its nature. On this ground, the author of the article proposes to study metaphor both from the viewpoint of cognitive theories and within the framework of a holistic paradigm, in which the world is interpreted as a system, and the individual is able to perceive things in their interconnection and unity, thereby revealing more profound layers of meaning. During the analysis of the theory and examples from literature, the author comes to conclusion that metaphor is something more than the work of the brain, namely, it is an attempt to see the essence “through the mind.”

Key words: metaphor, comparison, analogy, cognitive theory, unity, in-feeling, essence.

References:

1. Baryshnikov P. N. Mif i metafora: Lingvofilosofskij podhod [*Myth and metaphor: a linguo-philosophical approach*]. SPb.: Aletejja, 2010. 216 s.
2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [*Aesthetics of verbal art*]. M.: Iskusstvo, 1979. 421 s.
3. Bibihin V. V. Ponjat' drugogo [*To understand the other*]. URL: http://www.bibikhin.ru/ponyat_dругого (date of request: 16.08.2023).
4. Bibihin V. V. Jazyk filosofii [*Language of philosophy*]. 3-e izd., ster. SPb.: Nauka. 2007. 389 s.
5. Buber M. Ja i ty [*I and thou*]. M.: Vysshaja shkola, 1993. 176 s.
6. Veselovskij A. N. Istoricheskaja pojetika [*Historical poetics*]. M.: Vysshaja shkola, 1989. 404 s.
7. Gak V. G. Jazykovye preobrazovaniya [*Linguistic transformations*]. M.: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1998. 768 s.
8. Gogonenkova E. A. Metafora v nauke: filosofsko-metodologicheskij analiz [*Metaphor in science: philosophical and methodological analysis*]: avtoref. Dis. ...kand. Filosof. Nauk. Moskva, 2005. 24 s.
9. Gusejnova Je. R. Prust – Tolstoj – Chehov – Nabokov: iskusstvo metafory kak sposob poiska real'nosti (na materiale lekcij po zarubezhnoj literature V.V. Nabokova) [*Proust – Tolsoty – Chekhov – Nabokov: the art of metaphor as a way of searching reality based on Nabokov's lectures on literature*] // Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Filologija, zhurnalistika. 2011. № 4. S. 80–85.
10. Karaulov Ju. N. Lingvisticheskoe konstruirovanie i tezaurus literaturnogo jazyka [*Linguistic construction and thesaurus of literary language*]. M.: Nauka, 1981. 366 s.
11. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [*Linguistic encyclopaedic dictionary*]. Pod red. V. N. Jarcevoj; In-t jazykoznanija AN SSSR. M.: Sov. jencikl., 1990. 682 s.
12. Mozhejkina L. B. Priroda jemocional'noj metafory [*The nature of emotional metaphor*] // Chelovek v jepohu peremen. Vyzovy nastojashhego, postroenie budushhego: materialy IV S#ezda psihoterapevtov, psihiatrov i konsul'tantov Sibirskogo Federal'nogo Okrug (g. Novosibirsk, 3-8 aprelja 2015 g.). Novosibirsk: Izdatel'stvo NGTU, 2015. S.139–146.
13. Moskvin V. P. Russkaja metafora. Semanticheskaja, strukturnaja, funkcional'naja klassifikacija [*Russian metaphor. Semantic, structural, functional classification*]: ucheb. posobie k speckursu po stilistike. Volgograd: Peremena, 1997. 92 s.
14. Nabokov V. V. Lekcii po zarubezhnoj literature [*Lectures on literature*]. Per. s angl. pod redakciej Haritonova V. A. M.: Izdatel'stvo Nezavisimaja Gazeta, 1998. 512 s.
15. Nabokov V. V. Strogie suzhenija [*Strong opinions*]. Per. s angl. V. Minushin, D. Fedosov, A. Nikolaevskaja. M.: KoLibri, 2018. 416 s.
16. Nikitin M. V. Leksicheskoe znachenie slova [*Lexical word meaning*]. M.: 1983. S. 94–98.
17. Pomeranc G. S. Sobiranie sebja. Kurs lekcij, pročitannyh v Universitete Istorii Kul'tur v 1990–1991 gg [*Collecting the self. A course of lectures given at University of history and culture in 1990–1991*]. M., SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2013. 143 s.
18. Pomeranc G. S. Strastnaja odnostoronnost' i besstrastie duha [*Passionate one-sidedness and passionlessness of the spirit*]. 2-e izd., ispr. M., SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, Univer; sitetskaja kniga, 2014. 618 s.
19. Romanenko O. V. Specifika perevoda metaforizacii i sravnenij kak lingvisticheskij edinic [*Specifics of translating metaphorization and comparisons as linguistic units*]. // Nauchnyj vestnik. 2002. № 1. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. URL: <http://journal.kubsu.ru/NUMBERS/1/Romanenko.htm> (date of request: 23.10.2023).
20. Telija V. N. Metafora v jazyke i tekste [*Metaphor in the language of the Text*]. M.: Nauka, 1988. 176 s.
21. Franc S. V. Rol' metafory v poznanii [*The role of metaphor in cognition*]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26517/1/episteme_1998_20.pdf (date of request: 17.11.2023).
22. Aitchison J. Words in the mind. An introduction to the mental lexicon. 2nd ed. Oxford & Cambridge. MA: Blackwell, 1994. 290 p.
23. Barnes J. The noise of time. New York: Alfred A. Knopf, 2016. 232 p.
24. Borges J. This craft of verse. Harvard University Press, 2000. 160 p.
25. Grady J. Foundations of meaning: primary metaphors and primary scenes. University of California, Berkeley: Ph.D. Dissertation, 1997. 306 p.
26. Koestler A. The act of creation. New York: Macmillan, 1964. 752 p.

27. Mac Cormac E.R. A cognitive theory of metaphor. A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, Massachusetts, 1985. 254 p.
28. Nabokov V. The gift. Translated from the Russian by Michael Scammell with the collaboration of the author. London: Weidenfeld and Nicolson, 1923. 352 p.
29. Proust M. In search of lost time. Swann's way. Translation: C.K. Scott Moncrieff. Centaur Editions, 2016. 396 p.
30. Schrödinger E. My view of the world. Translated from German by Cecily Hastings. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 81 p.